

К счастью, ревность высокого парня оказалась не более чем игрой для разогрева чувств. Между троицей быстро установилась дружеская атмосфера, и они, весело болтая, вместе вышли из кинотеатра.

К лёгкому сожалению Жун Юйхэна, эта парочка его не узнала. Похоже, ему ещё следовало поработать над своей популярностью.

— Раз уж судьба свела нас, не могли бы вы проголосовать за меня на «Циннин TV»? Финал шоу «Козырные звезды» состоится в конце этого месяца.

Жун Юйхэн побоялся, что они не запомнят, и заботливо поделился лайфхаком:

— Я во второй группе, тринадцатый номер. Если сложно запомнить, считайте, что я — «2В».

Симпатичный парень, казалось, поперхнулся, но тут же добродушно посоветовал:

— Тебе как артисту не стоит так о себе говорить. Пресса мигом раздует из этого скандал.

Жун Юйхэн, глубоко ткнутый его добротой, мягко успокоил его:

— Не волнуйся, у меня очень мощный тыл.

Симпатичный парень:

— ...

Высокий парень, бог знает как истолковав молчание своего спутника, посреди повисшей тишины вдруг крепко прижал его к себе, пытаясь придать сил:

— Не комплексуй, твой тыл тоже будь здоров!

С этими словами он звучно забарабанил себя в грудь и громко выдал:

— Твой мужик — просто гигант!

Жун Юйхэн и симпатичный парень:

— ...

Жун Юйхэн почувствовал, что ему здесь больше оставаться не стоит. Бросив на них исполненный восхищения взгляд, он поспешно ретировался.

У него всё ещё оставалось задание, а папарацци ждали, когда он снизойдёт до них.

Время близилось к полудню. Наступил обеденный час, и поток людей в торговом центре заметно вырос. Жун Юйхэн надел солнцезащитные очки, натянул на голову кепку и, засунув руки в карманы, нырнул в шумную толпу.

Прождавшие в засаде два часа папарацци тут же вскочили на ноги и поспешили следом. Затекавшие от долгого сидения тела слушались плохо, из-за чего они едва не потеряли его из виду.

В следующий миг они увидели, как Жун Юйхэн свернул в узкий переулок и скрылся за дверью тихого мини-маркета.

Сердца папарацци затрепетали! Они почувствовали себя так, словно после долгой засухи наконец пролился благодатный дождь.

Они вскинули камеры, предвкушая, как Жун Юйхэн послушно разыграет перед ними сцену горькой нужды.

Жун Юйхэн оправдал их ожидания и снял с полки стаканчик лапши быстрого приготовления. На углу улицы в отдалении объективы фотоаппаратов начали спешно фокусироваться...

Взяв лапшу, он подошел к кассе и спросил:

— Карты принимаете?

Кассирша взглянула на лапшу за пять юаней:

— Вообще-то да, но...

Вдалеке папарацци уже положили пальцы на кнопки спуска. Сквозь сверхчеткие объективы они увидели, как Жун Юйхэн достал из кармана черную карту «Black Gold»:

— Буду платить этой.

— ...

Губы кассирши дрогнули. В ее душе поднялся целый ураган невысказанных слов, но, совершив пару кругов, он утих, и она сглотнула.

Спустя некоторое время она со сложным выражением лица произнесла:

— Господин, в нашем магазине никогда не проводили платежи по таким картам. Вы могли бы оплатить через Alipay?

Помня о том, что его снимают папарацци, Жун Юйхэн уже хотел было настоять на своем, но тут кассирша вздохнула:

— Зачем палить из пушки по воробьям?

Жун Юйхэн:

— ...

Однако папарацци к этому моменту уже совершенно растеряли весь свой запал для тайной съемки.

Черная карта буквально похитила их души!

Карты «Black Gold» предназначались исключительно для мировой элиты. Такую вещь нельзя получить, просто имея кругленькую сумму на счету! Зачем человеку с такой картой примерять на себя образ «несчастливого бедняка»?!

Неужели Сюй Сунь выбирает сценические образы по принципу «чем сложнее и невозможнее, тем лучше»?

Репортерам казалось, что над ними просто издеваются.

Покупка лапши быстрого приготовления в пустующем магазине — какой великолепный материал! Кто же знал, что при оплате этот парень внезапно вытащит черную карту. Разве можно пускать в ход подобные снимки?

Не обращая внимания на крайнее замешательство папарацци, Жун Юйхэн закончил расплачиваться. Он достал карту лишь ради кадра, и, заметив замешательство кассирши, в итоге провел платеж через Alipay.

Забрав лапшу, Жун Юйхэн вышел из магазина и направился напрямик к углу, где притаились папарацци.

У перенесших глубокое потрясение репортеров сузились зрачки: он идет! Он идет к ним со своей черной картой!

Жун Юйхэн подошел прямо к ним и под их настороженными и благоговейными взглядами протянул стаканчик лапши, смиренно прося совета:

— Я впервые ем такое, не знаю, как подступиться. Не подскажите, как лучше встать для постановочного кадра?

Папарацци замахали руками:

— Нет-нет-нет, не стоит...

Связываться с владельцем премиальной черной карты себе дороже.

Один из них, все еще отказываясь верить своим глазам, осторожно вытянул шею:

— Эта черная карта... она настоящая?

Жун Юйхэн кивнул:

— Подарок.

Эту карту ему подарил Жун Тяньшэнь на совершеннолетие. Именно потому, что подарок сделал Жун Тяньшэнь, Жун Юйхэн не мог ею пользоваться. С его стороны было бы слишком бесстыдно дуться на отца и при этом тратить его деньги на стороне.

Жун Юйхэн рассуждал так: раз уж его выставили за дверь, он должен обеспечивать себя собственным трудом. Поэтому он и думать забыл о карте.

Но сейчас обстоятельства были особыми, и припугнуть папарацци ею оказалось очень даже кстати.

Папарацци переглянулись, чувствуя внутренний трепет:

— И что теперь, снимаем?

Жун Юйхэн дружелюбно улыбнулся:

— Конечно снимаем! Почему нет? Это работа, которую поручил брат Сунь, мы должны объединить усилия и сделать все как надо.

Папарацци мысленно выругались: «Мать твою, Суй Сунь...»

Вот так, при содействии репортеров, Жун Юйхэн наконец-то с аппетитом втянул в себя первую порцию лапши. Правда, между его пальцев при этом была зажата черная карта, ярко блестевшая на солнце.

Набив рот лапшой так, что его щеки раздулись, словно у хомяка, Жун Юйхэн не забыл проявить заботу о ближних:

— Сняли? Может, мне пустить скупую слезу для драмы?

Папарацци торопливо замахали руками:

— Нет-нет, не надо...

Наевшись, Жун Юйхэн вытер рот и с видом бывшего жожака махнул рукой:

— В машину! Следующая остановка!

У папарацци едва слезы не наворачивались на глаза: да когда же это закончится?!

Следующей точкой Жун Юйхэн выбрал площадь с сухим фонтаном, струи которого вырывались из-под земли, когда мимо проходили люди. Он заранее изучил информацию в интернете: фонтан был абсолютно безопасен, так что можно было не бояться удара током.

Выйдя из машины, Жун Юйхэн проявил чуткость и подождал отставших папарацци.

— Постарайтесь поймать момент, когда струи воды будут падать мне на голову, — проинструктировал он их. — Я запрокину лицо, изображая полное отчаяние.

Репортеры дружно закивали, в глубине души понимая, что происходящее приобретает какой-то совсем странный оборот.

Жун Юйхэн неспешно зашагал по площади. Стоило ему ступить в зону фонтана, как из-под ног с шумом взметнулись вверх водяные столбы, оросив его с головы до ног.

Он закрыл глаза и поднял лицо под углом сорок пять градусов навстречу потокам воды. Жун Юйхэн вообразил, будто стоит под проливным дождем, который смывает его гордость, гасит внутренний огонь и сковывает ледяной стужей саму его душу посреди суровой зимы...

Неподалеку трое папарацци — кто присев, кто стоя, изгибаясь под самыми немыслимыми углами — непрерывно щелкали затворами камер, снимая Жун Юйхэна, с головой ушедшего в свой внутренний спектакль посреди фонтана.

Проходившие мимо молодые девушки останавливались и, заливаясь румянцем, тихонько ахали:

— Ой, смотрите! Какой красивый парень!

— Да, вылитый грустный принц...

— Рядом даже профессиональная съемочная группа стоит. Наверное, это фотосессия для журнала?

Папарацци мысленно выругались: «Какая, к черту, профессиональная съемочная группа! Мы папарацци!»

Однако, несмотря на мысленное ворчание, их пальцы работали без остановки. Один из них настолько вошел во вкус, что набрался смелости, подошел ближе и принялся давать указания:

— Развернись немного боком... Да-да, вот так! Опусть подбородок. Идеально!

Все это выглядело точь-в-точь как эксклюзивная съемка суперзвезды.

Съемка продолжалась полчаса, и Жун Юйхэн промок до нитки. Боясь простудиться, он подал знак закончить работу, вышел из сухого фонтана и подошел посмотреть получившиеся кадры.

— Отличные снимки! Ну же, дай пять!

Хлоп! От былой неловкости не осталось и следа. Они весело обменялись хлопками, и атмосфера вокруг наполнилась искренней радостью и гармонией.

Жун Цимин снова принялся излучать свет:

— С вашими навыками вы вполне могли бы стать профессиональными фотографами. Зачем вам быть папарацци? Это ведь такой тяжелый труд.

Он продолжил мягко наставлять их на истинный путь:

— Работа фотографа приносит уважение артистов, да и платят куда больше. Вы крутитесь в этой индустрии столько лет, наверняка у вас есть связи. Подтяните навыки съемки и переквалифицируйтесь в фотографы.

Стоило Жун Юйхэну договорить, как глаза троицы перед ним загорелись, в них промелькнул огонек надежды.

Он с облегчением улыбнулся в душе и коснулся висевшего на груди нефрита Гуаньинь: «Пусть ваша дорога впредь будет праведной, а будущее — светлым и ясным».

<http://bllate.org/book/18291/1754119>